

Е.В. БОРОДУЛИНА
(Тюмень)

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОСТАНОВКА
ВОПРОСА О МЕСТЕ И РОЛИ
ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ
В НАЧАЛЕ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
(1921–1923 гг.)**

Анализируются взгляды большевиков на место и роль промысловой кооперации в советской экономике при переходе от военного коммунизма к нэпу. Отмечаются приоритетные направления теоретических суждений и практических шагов членов РКП(б) в отношении кооперированных кустарей и ремесленников, определяются проблемы, с которыми столкнулись как сами партийцы, так и кооператоры. Особое внимание уделяется эволюции ленинского кооперативного плана.

Ключевые слова: *промысловая кооперация, новая экономическая политика, большевики, В.И. Ленин.*

Нэповская «горячка» привела в промышленные артели огромную массу людей, не имевших прежде никакого отношения к ремеслу и часто не обладавших элементарными трудовыми навыками. Прибывшая к кооперативам и кооперативным союзам волна «лавочников» и «слесарей-интеллигентов», подобных герою романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Виктору Полесову, принесла с собой в невиданных доселе масштабах спекуляцию, воровство, неразбериху и безответственность. Одновременно разрушающе воздействовала на молодую промыслово-кооперативную систему инерция военно-коммунистических форм и методов государственного руководства и регулирования хозяйственной деятельности промысловой кооперации. Сильная зависимость от кустарно-промысловых комитетов в обеспечении заказами, сырьем и сбыте готовой продукции, сохранение в значительных масштабах практики обязательных государственных заданий, во многих случаях убыточных для их исполнителей, навязывание якобы в интересах населения политики снижения цен независимо от реальных производственных затрат и расходов на реализацию изделий ставили промысловые кооперативы и их союзы в еще более сложное положение и вызывали растущее недовольство рядовых членов.

Перевод в 1922 г. заготовительной работы Главного управления кустарной промышленности (Главкустпрома) и его местных органов на хозрасчет без полного устранения из их арсенала методов административного давления на промкооперацию принес для последней новые затруднения: в погоне за коммерческой выгодой кустарно-промышленные комитеты (кустпромы) все дальше отходили от решения задач содействия кооперированию кустарей, свертывали и без того незначительную техническую и материальную помощь промысловым союзам, нередко предпочитая им частных предпринимателей и «дикие» кооперативы, не входящие в промыслово-кооперативную систему.

Тенденция к сближению промкооперации с частным капиталом и к снижению удельного веса государственных хозяйственных организаций и контролируемой партией потребительской кооперации в рыночных операциях артелей и промысловых союзов немедленно вызвала резкую реакцию в партийных кругах. В августе 1922 г. XII Всероссийская конференция РКП(б) призвала пресечь участвовавшие попытки частнокапиталистических элементов действовать под вывеской кооперативных организаций [10, с. 393].

Как в период разработки «рыночных» декретов о промысловой кооперации, санкционировавших ее допущение в сферу обращения и выделения в самостоятельную кооперативную систему, так и после их принятия внутри партии не ослабевало сопротивление развертыванию этой линии. Ее противники, считавшие подобные шаги недопустимыми или весьма сомнительными по идеологическим соображениям, имели возможность апеллировать к партийной программе, рассматривавшей промысловую кооперацию в лучшем случае как промежуточное звено на пути перевода мелких промышленников и ремесленников в ряды пролетариата, как средство перехода «отсталых форм производства к более высокой, крупной машинизированной индустрии» [Там же, с. 50]. Уже после принятия декрета от 7 июля 1921 г. многие партийные и хозяйственные работники, прямо или косвенно связанные с мелкой и кустарно-ремесленной промышленностью, либо вообще выражали сомнения в необходимости восстановления деятельности промкооперации в сфере обмена, либо, допуская ее торговые операции в качестве неизбежного элемента общего времен-

ного «отступления в нэп», ограничивали задачи промыслово-кооперативной системы главным образом подготовкой перехода к производственному кооперированию.

Отнюдь не случайным в этой связи выглядит тот факт, что решения общепартийных форумов 1921–1923 гг. по этому вопросу явно отставали от законодательной практики государства, диктуемой логикой нэпа. Первого упоминания деятельности промысловых кооперативов в сфере обращения удостоилась только в резолюции XII партийной конференции (август 1922 г.), причем в весьма симптоматичном контексте – в связи с постановкой задачи перехода промкооперации «от преобладания торгово-посреднических функций к преобладанию функций производственных» [17, с. 24].

Деформирующее воздействие идеологического фактора на становление самостоятельных кооперативных систем и их хозяйственную деятельность еще более отчетливо проявилось в насаждении в 1921–1923 гг. партийными и советскими органами так называемого кооперативного интеграла, т.е. в объединении функций всех видов кооперации в рамках «универсальных» кооперативов, создававшихся обычно на основе управляемых коммунистами и все еще несущих на себе печать огосударствления потребительских обществ. Идеология «интеграла» отражала стремление партийно-государственного аппарата и большевистского руководства потребительской кооперации по возможности сохранить построенную в годы военного коммунизма псевдокооперативную систему и приспособить к условиям нэпа утопию «единого общенародного кооператива». Эта идеология исходила из неприятия законов рынка и его прямого противопоставления социализму и с этой точки зрения вполне укладывалась в русло господствующих в партии концепций «преодоления» нэпа. Считалось, что переход к «универсальному» кооперативу будет способствовать высвобождению мелкого товаропроизводителя-крестьянина и кустаря из стихии рыночных отношений и вовлечь его в систему планового регулирования. Степень зрелости советской кооперации должна была определяться тем, насколько далеко она продвинулась по этому пути, как глубоко вросла в государственный сектор экономики. «Параллелизм» функций различных видов кооперации, рыночное соревнование между ними и особенно их конкуренция с государственной торговлей и промышленностью рассматривались как

вредное и бессмысленное распыление средств и сил, которые должны направляться на борьбу с частным капиталом, как разрушающие начала, подрывающие позиции пролетарского государства в экономике.

В течение 1921–1922 гг. партийные и советские органы на разных уровнях многократно высказывались за интегральную систему кооперации, а своими практическими действиями часто прямо препятствовали выделению из потребкооперации кустарно-промысловых и сельскохозяйственных секций, блокировали передачу им материальных ценностей, ранее присвоенных губернскими союзами, или проводили линию на новое объединение всех видов кооперации вокруг потребительской. В духе «интеграла» были составлены вышедшие в 1922 г. уставы различных подразделений потребительской кооперации. Кустарно-промысловые артели губернских союзов нередко преобразовывались в предприятия их промышленных отделов, а кустари из них переходили либо на положение рабочих, либо на договорные отношения с потребительскими обществами.

Успеху «интегралов» в конце 1922 г. и в 1923 г. способствовала также крайняя организационная и финансовая слабость большинства союзов промысловой кооперации, руководство которых возлагало надежды на то, что подобное объединение позволит более успешно противостоять хозяйственным трудностям, связанным с нарастающим кризисом сбыта.

Достаточно быстро обнаружилось, что интегрирование различных видов кооперации на практике оборачивается ухудшением ее хозяйственной деятельности и нарастанием процесса декооперирования [13, с. 15; 19. Ф. 4106. Оп. 3. Д. 593. Л. 16–17]. Но еще более неожиданным и тревожным для партийного и государственного руководства следствием построения «интеграла» стало заметное усиление влияния в смешанных промыслово-сельскохозяйственных союзах «буржуазных» кооперативов, ранее работавших в сельскохозяйственной кооперации. В этих условиях партия еще раз продемонстрировала, что для нее дело принципа важнее, чем суть вопроса. Основную долю ответственности за негативные хозяйственные последствия политики «интеграла» возложили на оживившихся «классовых врагов». В апреле 1922 г. было организовано Кооперативное отделение при секретном отделе ГПУ. Соответствующей инструкцией предусматривалось внедрение осведомителей в каждую ячейку кооперации [11, с. 29].

XII партийная конференция, признав ошибочными попытки строительства «принудительного интеграла», проявила настойчивость в реализации дискредитировавшей себя идеи, наметив «добровольное» слияние в «особых» случаях отдельных видов кооперации в смешанные кооперативы и их союзы. Чтобы направить процесс «интегрирования» по наиболее надежному с политической точки зрения каналу и не допустить дальнейшего роста авторитета «буржуазных» кооператоров, конференция особо подчеркнула, что «смешанные формы строительства должны быть поощряемы преимущественно вокруг потребительской кооперации» [10, с. 389].

Процесс вовлечения кустарно-промышленной кооперации в рыночные отношения, получивший законодательное закрепление в правительственных декретах 1921 г., уже нельзя было остановить, поэтому приоритетным для большевиков стал вопрос о создании таких условий, при которых получившие «самостоятельность» промышленные союзы и артели не могли бы выйти за рамки предписанных им сверху задач [1, с. 42; 20, с. 226]. Суть их намерений в этой области была ясно сформулирована заместителем председателя коллегии Главкустпрома В. Яхонтовым летом 1921 г. в «Вестнике кустарной промышленности». «Задачей наших органов – писал он, – должно быть не только кооперировать кустарную промышленность, но добиваться также и того, чтобы во главе возрождающейся промышленной кооперации были подлинными трудовые элементы, руководство которых кооперацией обеспечит направление ее работы, отвечающее задачам, которые ставит перед собой советская власть» [2, с. 66].

9 декабря 1921 г. Всероссийский съезд промышленной кооперации был объявлен незаконным. Избранные съездом органы управления были распущены [1, с. 44]. В постановлении ВЦИК особо подчеркивался антисоветский характер съезда. Его организаторы без каких-либо серьезных на то оснований обвинялись в нарушении советского законодательства. ВЦИК постановил созвать новый съезд промышленной кооперации, который «действительно обеспечил бы представительство трудящихся и достаточное влияние РКП(б)» [5, с. 312].

Еще раньше (18 ноября 1921 г.) решением Политбюро ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия по партийной работе в кооперации, о задачах которой, заключавшихся

в том, чтобы с первых шагов овладеть кооперативными организациями идейно, уведомил делегатов проходившей в декабре XI партийной конференции Е. Ярославский [22, с. 143]. Комиссия стала предвещать все вопросы кооперативного строительства с вынесением наиболее важных из них на рассмотрение и утверждение Политбюро и Оргбюро ЦК [21, с. 202]. По предложению этой комиссии, 5 января 1922 г. ЦК направил местным партийным комитетам циркулярное письмо «О работе в промкооперации и о предсъездовской компании». В нем в адрес объявленного незаконным съезда были выдвинуты резкие и несправедливые обвинения в нежелании сотрудничать «с советскими органами и коммунистическими элементами съезда» и в проведении линии на развитие исключительно посреднически-скупочных операций. Однако главный смысл письма состоял, конечно, не в оправдании партийно-государственного произвола по отношению к демократически избранному представительному кооперативному органу, а в целой системе мер, которые местные партийные организации должны были провести с тем, чтобы обеспечить коммунистическое влияние в кооперации и подготовить новый всероссийский съезд. Примечательно, что партийное руководство, гневно разоблачавшее буржуазных кооператоров как нарушителей кооперативной демократии и обвинявшее их в недопустимом стремлении к образованию из соображений политической выгоды всероссийского центра не промышленной, а всей производительной кооперации, не постеснялось в том же документе, но несколькими строками ниже обратиться к товарищам по партии с призывом «созывать от имени советских и близких нам кооперативных организаций при активном участии парткомов – совещания, конференции или съезды промышленного населения волостей и уездов по производственным признакам или смешанного состава в зависимости от хозяйственной и политической целесообразности» [16, с. 42–43]. Стало ясно, что коммунисты будут стремиться довести дело до нужного им результата. Потеряв всякую надежду сдержать наступление коммунистической фракции, считая, что будущий республиканский центр обречен на то, чтобы стать безгласным придатком партийно-государственного аппарата, часть кооператоров в надежде сохранить автономию хотя бы местных союзов, сделала роковую ошибку, начав агитацию в кулуарах съезда против созда-

ния в данных условиях единого всероссийского промыслового союза. Это привело, с одной стороны, к окончательному распаду беспартийного большинства и выделению из него артельной группы, состоявшей из представителей местных промысловых союзов и поддерживавшей коммунистов в вопросе о необходимости создания центра, а с другой – к ужесточению позиций почувствовавшей вкус победы коммунистической фракции. Один из ее активных членов московский делегат Драгунов заявил даже, что задачи будущего всероссийского союза промкооперации должны заключаться в том, чтобы в его состав «не вошел ни один социал-революционер, ни один меньшевик, ни один беспартийный» [19].

Направление «коммунистов-назначенцев» на руководящую работу в промысловые союзы, создание в некоторых из них коммунистических ячеек в ходе предсъездовской кампании, внедрение представителей партии в правление и аппарат всероссийского промыслово-кооперативного центра было лишь первым актом в борьбе за «овладение» промысловой кооперацией, важным, но только эпизодом в начавшемся общем коммунистическом наступлении на «кооперативном фронте». В выступлениях делегатов и резолюциях XII партийной конференции подчеркивалось, что промкооперация якобы «нуждается в усилении пока еще недостаточного коммунистического влияния». В связи с этим высказывалось требование «расширить и углубить» в ней «партийную и советскую работу», особенно в низовой сети [17, с. 24].

На рубеже 1922–1923 гг. партия переходит к установлению жесткого контроля над всей кооперацией страны. Складывается единый централизованный механизм проведения коммунистической политики в кооперации. Нити партийного руководства кооперативной системой сходились в Учетно-распределительном отделе (Учраспред) ЦК РКП(б). Его опорными пунктами стали соответствующие отделы во всех всероссийских центрах кооперации, превратившиеся очень скоро в прямые придатки центрального партийного аппарата, в проводников его кадровых решений [21, с. 260]. Осенью 1923 г. Учраспред ЦК обследовал 9 крупнейших кооперативных центров страны, включая Всекопромсоюз, и установил теснейшую связь с коммунистическими фракциями их руководящих органов по вопросу учета и распределения кадров, подготовил списки «партийных резервов» из числа партийных, советских, хозяйственных работников для работы в цен-

тральных и местных кооперативных союзах. По итогам этой работы Оргбюро ЦК РКП(б) в октябре 1923 г. рассмотрело вопрос о роли коммунистов в кооперации и об «освобождении» ее от «враждебных элементов» [6, с. 174]. Только за сентябрь – декабрь 1923 г. ЦК партии большевиков направил в центральные и местные кооперативные органы 81 коммуниста [7, с. 41; 8, с. 39]. Степень полезности таких кадровых приобретений для советской кооперативной системы может быть охарактеризована тем фактом, что три четверти партийных «назначенцев», направленных ЦК во Всекопромсоюз, ранее никогда в кооперации не работали.

Вторым организующим элементом системы партийного руководства кооперацией стали Кооперативное совещание при ЦК РКП(б) и соответствующие совещания при губернских и уездных комитетах, созданные по решению XI съезда партии [10, с. 353]. Согласно утвержденному ЦК Положению, в кооперативные комиссии входили представители от партийных органов, кооперативных и профсоюзных организаций и учреждений государственной торговли. Их основными задачами являлись разработка вопросов, связанных с осуществлением контроля коммунистов за работой кооперативных организаций, проведением в них партийных решений, достижение согласованности между различными видами кооперации и установление «правильных» взаимоотношений кооперации с советскими и хозяйственными органами. На кооперативные комиссии возлагалась обязанность обеспечения партийного влияния на собраниях и съездах кооперации [16, с. 138–139]. Поскольку «партийное ядро» во многих кооперативных организациях на уездном (а иногда и на губернском) уровне в 1922–1923 гг. оставалось еще незначительным и не гарантировало безусловную реализацию партийных решений, кооперативные комиссии нередко прибегали к непосредственному вмешательству в дела кооперации, прямо подменяя ее выборные органы и узурпируя их полномочия [14, с. 70].

Важным инструментом партийного руководства советской кооперацией в рассматриваемый период стали большевистские фракции в ее всероссийских центрах и местных союзах, созданные в соответствии с Уставом РКП(б), принятым XII партийной конференцией в августе 1922 г. Задача фракций состояла в установлении «партийного контроля над работой всех указанных учреждений и организаций» [10, с. 384]. В состав партийных фракций вхо-

дили коммунисты – члены правлений, советов, ревизионных комиссий соответствующих кооперативных организаций. По существу, они представляли собой прямое продолжение аппаратов ЦК и губкомов РКП(б) и проводили свои решения на уровне союзов и низовой кооперативной сети, в т.ч. по кадровым вопросам, минуя уездные и районные партийные комитеты. Именно фракции исполняли роль движущей силы в развернутом губкомами движении «за пересмотр кадров кооперативного аппарата», результатом которого стало «внедрение» коммунистов в состав органов управления всех звеньев кооперации вплоть до первичных кооперативов. Спустя два с лишним года после начала этой кампании – к сентябрю 1925 г. – удельный вес партийцев в правлениях союзов промкооперации был доведен до 58,5 % [21, с. 218–219], а в низовой сети составлял, как правило, 5–8 %. Однако последнее обстоятельство уже не имело принципиального значения. Принятие решений, определяющих не только стратегию кооперативного движения, но и текущую хозяйственную политику промысловой кооперации, осуществлялось на более высоком уровне и полностью контролировалось партией, а для наблюдения за деятельностью первичных кооперативов вполне достаточно оказалось достигнутого «эффекта присутствия», ибо построенная и отлаженная к концу 1923 г. система партийного руководства кооперацией сосредоточила в руках партийного аппарата достаточно эффективные рычаги для соответствующего воздействия на «непослушные» кооперативы.

Завоевание партией ключевых позиций в руководящих органах промкооперации в условиях, когда ее рыночные функции по-прежнему рассматривались коммунистами как нечто чуждое советскому строю и временно допускаемое только в качестве вынужденной меры, переходной к производственному кооперированию, создавала для нее серьезную опасность будущих деформаций. В условиях непрекращающихся попыток партийно-государственного аппарата тем или иным образом ограничить вхождение промкооперации в нормальные рыночные отношения и поставить ее под свой тотальный контроль потенциал этой самостоятельной хозяйственной организации не мог быть полностью реализован [1, с. 45].

Названные обстоятельства, прямо тормозившие свободное развитие кооперативных организаций или составлявшие угрозу для их деятельности в будущем, еще не привели к не-

обратимым последствиям, но способствовали углублению кризисных явлений, связанных с социальными и экономическими трудностями первых лет нэпа. Особенно сильно пострадала в этой обстановке промысловая кооперация, пожалуй, самая слабая в организационном и финансовом отношениях кооперативная система, не имевшая к тому же столь прочных позиций и такого организационного и хозяйственного опыта, какими обладала, например, сельскохозяйственная кооперация. Тяжелым ударом для промкооперации стал кризис сбыта 1923 г. [3, с. 9]. Опасные тенденции, ясно обозначившиеся уже осенью 1922 г. и выразившиеся в угрожающем расхождении между быстрым увеличением численности кооперированных кустарей и обострявшейся организационной и финансовой слабостью промысловой кооперации, вылились в начале 1923 г. в глубокий кризис системы. Артельщики стали в массовом порядке выходить из промысловых кооперативов. Начался распад промысловых союзов и артелей. Общее число союзов промкооперации в течение 1923 г. сократилось с 350 до 271 [15, с. 26], т.е. на 22,6 %, а первичных кооперативов – с 17 198 до 7 409 [9, с. 419] (или в 2,3 раза). Численность членов в артелях Всекопромсоюза только в период с января по май 1923 г. упала вдвое [18, с. 56].

То, что для преодоления «депрессии ножиц цен» 1923 г. партийное и государственное руководство встало на близкий и понятный партийной массе путь, сделав упор на административное снижение цен на промышленные товары, было не более чем одним из логических следствий господствующей в партии концепции «уступленного нэпа», предполагавшей вытеснение рыночных регуляторов в ценообразовании «социалистическим планированием». Во всех случаях, когда новая экономическая политика ставила партию и государство перед выбором между идеологической схемой «переходного периода» и признанием закономерности многоукладной экономики, рационального сочетания различных форм собственности, необходимости широкого использования рыночных отношений, этот выбор в конечном счете всегда делался в пользу идеологии. А предпринимаемые под давлением обстоятельств шаги в сторону рынка вполне укладывались в рамки категорий «тактический ход», «обходной маневр» и «временное отступление».

Все сказанное относится к одной из последних ленинских теоретических новаций – концепции кооперации. Учтя достаточно про-

тиворечивые тенденции в развитии нэповской экономики и в самом кооперативном движении, В.И. Ленин, очевидно, пришел к заключению, что его собственный тезис о кооперации как разновидности государственного капитализма уже не отвечает потребностям времени и начинает работать не столько на социализм, сколько против него. В статье «О кооперации» Ленин рассматривает ее уже как основной путь сохранения и упрочения социалистических тенденций в экономическом строе общества в условиях нэпа, как главное средство перехода широких масс мелких товаропроизводителей к социализму. Ключ к пониманию ленинской постановки вопроса о месте и роли кооперативного движения «при нашем существующем строе» содержится уже в первых строках статьи, где он подчеркивает, что «кооперация получает у нас совершенно исключительное значение» со времени революции и «независимо от нэпа» [12, с. 369]. Переход к нэпу не только не уменьшает роли кооперации, по мнению вождя партии, но, наоборот, увеличивает ее, поскольку кооперативная организация населения в этих условиях становится важнейшей альтернативой и средством преодоления вынужденно допущенной свободы торговли. Именно такой «кооперативный принцип» противопоставлялся Лениным «принципу свободной промышленности и торговли». Данный принцип обретает для него «социалистическое значение» [Там же, с. 370, 371]. С одной стороны, «гигантская» роль кооперации в социалистическом строительстве обуславливается, по Ленину, тем, что в стране уже есть все необходимое для построения социалистического общества: «власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян и т.д.». Иными словами, государство обладает всем необходимым для того, чтобы обеспечить нужную ему направленность развития кооперации. С другой стороны, Ленин полагает, что «при господстве нэпа <...> мы нашли ту степень подчинения <...> частного интереса <...> общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [Там же, с. 170]. Это делает возможным, «используя кооперацию не перестроенную и не реорганизованную на новых принципах, а такую, какая есть на данный момент, перейти к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» [Там же, с. 370].

Вопрос о том, почему «само собой достигает цели <...> социализм» при «условии максимального кооперирования населения» организацией, еще недавно характеризовавшейся им как форма (и не лучшая) госкапитализма [12, с. 369, 370], В.И. Ленин снимает довольно просто и радикально: он фактически отказывается от своей прежней позиции. Он объяснил, что употреблял название «государственный капитализм» только для того, чтобы, во-первых, установить преемственную связь «обычного государственного капитализма с тем необычным <...> государственным капитализмом», который характерен для нэповской экономики, и, во-вторых, исходя из практической задачи нэпа – получения концессий, являющихся «в наших условиях чистым типом государственного капитализма» [Там же, с. 373, 374]. Предоставив вдумчивому читателю возможность самому поразмышлять над темой обо всех прочих, по-видимому, «нечистых» типах «необычного государственного капитализма» нэповской эпохи, председатель Совнаркома вновь обратился к искомой его разновидности, т.е. к кооперации, и, сравнив положение ее предприятий при частном капитализме, госкапитализме и нэпе, решительно заключил: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу» [Там же, с. 375]. Маловероятно, что Владимир Ильич подразумевал здесь лишь те относительно немногочисленные кооперативные предприятия, которые в буквальном смысле были основаны не только на государственной земле (это относилось ко всем предприятиям всех форм собственности), но и при всех средствах производства, принадлежащих государству (такими были, например, промысловые артели, арендующие государственные промышленные заведения). Скорее всего, он придавал этому понятию более широкое внутреннее содержание, а именно – определяющее влияние на социальную природу кооперации существующего общественного строя, при котором все «командные высоты» в экономике удерживаются государством, а очагами капитализма на народнохозяйственной «равнине» можно пренебречь как не имеющими в данном случае принципиального значения. В пользу этого соображения говорит ленинское заме-

чание о том, что «благодаря особенности нашего общественного строя, <...> кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [12, с. 375], а также следующий тезис, подводющий итог всем его рассуждениям по означенному поводу: «... посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочий класс добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы вправе сказать, что рост кооперации для нас тождествен <...> с ростом социализма» [Там же, с. 376].

Трактовка нэповской кооперации как «третьего вида предприятий», которые, наряду с государственными, содействуют формированию социалистических отношений, создавала основания для ее более широкого использования государством в качестве общественной самодетельной организации, представляющей и защищающей интересы мелких товаропроизводителей и работающей на принципах взрасчета. В то же время кооперативные организации должны были сыграть важнейшую роль как инструменты контроля, регулирования, укрепления коллективистских начал, втягивания широких непролетарских масс трудящихся на путь социалистического строительства. Ленинское понимание кооперации должно было объективно способствовать становлению представлений о длительном реформистском движении к социализму при опоре на крестьянство. В ходе этого движения, для которого, по Ленину, потребуется «целая историческая эпоха», надо соединить «революционный размах» и «революционный энтузиазм» с умением быть «толковым и грамотным торговцем, какое вполне достаточно для хорошего кооператора», и добиться положения, когда «в кооперативном обороте» «действительно участвуют массы населения» [Там же, с. 371–373].

Следует подчеркнуть, что ни эти, казалось бы, рыночные мотивы в ленинских рассуждениях относительно задач кооперативного движения, ни его ставшая знаменитой формула о том, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Там же, с. 373], не дают, с нашей точки зрения, никаких сколько-нибудь серьезных оснований для вывода о смене Лениным

«парадигм социализма» – бестоварной модели на рыночную (кооперативную).

Аргументы сторонников «рыночной парадигмы», построенные на сомнительных упражнениях с ленинскими цитатами, уже подвергались обстоятельному критическому разбору в исторической литературе [4, с. 34–38], поэтому нет нужды еще раз останавливаться на этом вопросе. Можно лишь добавить, что сам текст статьи в обилии содержит фразы и формулировки, прямо свидетельствующие о сохранении у вождя партии остатков утопической идеи «единого всенародного кооператива трудящихся». Достаточно сказать о проходящем красной нитью через все статьи намерении «заставить всех поголовно» [12, с. 372, 373, 376] участвовать в кооперации или о ленинском «кооперативном принципе», который несовместим с подлинными, классическими принципами деятельности кооперативных организаций.

Несомненное признание Лениным кооперации как субъекта рыночных отношений в условиях «переходного периода» совершенно не означает, что он был готов признать ее в этом виде в качестве элемента будущего социалистического общества. Если же говорить не о том, что могло быть, если бы у него действительно созрели новые представления об экономическом строе социализма, а о том, что содержится в его статье, то приходится констатировать следующее: хотя в ленинской концепции произошли значительные сдвиги в сторону большего реализма, она осталась незавершенной, противоречивой, несла в себе элементы ортодоксальных марксистских взглядов как на переход к социализму, так и на сам социализм и в то же время вставала в оппозицию к некоторым из них. В итоге, по справедливому замечанию Л.Е. Файна, «объективно была налицо благоприятная питательная среда для трактовки ленинских положений как в реалистическом аспекте, так и утопическом, доводимом до авантюризма» [21, с. 255].

Список литературы

1. Бородулина Е.В. Политическая линия большевиков в мелкой промышленности в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу // Вестн. Ишимского гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова. 2014. № 2(14). С. 41–51.
2. Вестник кустарной промышленности. 1921. № 4–5.
3. Вестник промысловой кооперации. 1923. № 5.

4. Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопр. истории. 1990. № 4. С. 20–39.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1.
6. Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. М., 1978.
7. Известия ЦК РКП(б). 1923. № 9–10.
8. Известия ЦК РКП(б). 1924. № 1.
9. Итоги десятилетия советской власти в цифрах: 1917–1927 гг. М., 1927.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М., 1983. Т. 2.
11. Кулешов С. Полтергейст в Кремле // Родина. 1996. № 4. С. 26–30.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45.
13. Метельский Н.Н., Толмачева Р.П., Усов А.Н. Кооперативное движение на Урале в условиях новой экономической политики. Свердловск, 1990.
14. Морозов Л.Ф. Формы и методы партийного руководства кооперацией в восстановительный период // Вопросы истории КПСС. 1970. № 10.
15. На путях к обобществлению мелкой промышленности СССР. М., 1929.
16. Партия и кооперация: Постановление и резолюция ВКП(б). М., 1928.
17. Партия о кустарно-промышленной кооперации. М., 1928.
18. Промысловая кооперация СССР. М.; Л., 1934.
19. Российский государственный архив экономики. Ф. 5449. Оп. 1. Л. 43.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1.
21. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994.
22. XI Всероссийская партийная конференция РКП(б): стеногр. отчет. Самара, 1922.
7. Izvestija CK RKP(b). 1923. № 9–10.
8. Izvestija CK RKP(b). 1924. № 1.
9. Itogi desjatiletija sovjetskoj vlasti v cifrah: 1917–1927 gg. M., 1927.
10. KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988). M., 1983. T. 2.
11. Kuleshov S. Poltergejst v Kremle // Rodina. 1996. № 4. S. 26–30.
12. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1970. T. 45.
13. Metel'skij N.N., Tolmacheva R.P., Usov A.N. Kooperativnoe dvizhenie na Urale v uslovijah novoj jekonomicheskoj politiki. Sverdlovsk, 1990.
14. Morozov L.F. Formy i metody partijnogo rukovodstva kooperaciej v vosstanovitel'nyj period // Voprosy istorii KPSS. 1970. № 10.
15. Na putjah k obobshhestveniju melkoj promyshlennosti SSSR. M., 1929.
16. Partija i kooperacija: Postanovlenie i rezoljucii VKP(b). M., 1928.
17. Partija o kustarno-promyslovoj kooperacii. M., 1928.
18. Promyslovaja kooperacija SSSR. M.; L., 1934.
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki. F. 5449. Op. 1. L. 43.
20. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. M., 1967. T. 1.
21. Fajn L.E. Otechestvennaja kooperacija: istoricheskij opyt. Ivanovo, 1994.
22. XI Vserossijskaja partijnaja konferencija RKP(b): stenogr. otchet. Samara, 1922.

* * *

1. Borodulina E.V. Politicheskaja linija bol'shevikov v melkoj promyshlennosti v uslovijah perehoda ot voennogo kommunizma k njepu // Vestn. Ishimskogo gos. ped. in-ta im. P.P. Ershova. 2014. № 2(14). S. 41–51.
2. Vestnik kustarnoj promyshlennosti. 1921. № 4–5.
3. Vestnik promyslovoj kooperacii. 1923. № 5.
4. Gorinov M.M., Cakunov S.V. Leninskaja koncepcija njepa: stanovlenie i razvitie // Vopr. istorii. 1990. № 4. S. 20–39.
5. Direktivy KPSS i sovjetskogo pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. M., 1957. T. 1.
6. Dmitrenko V.P., Morozov L.F., Pogudin V.I. Partija i kooperacija. M., 1978.

Bolshevik formulation of the issue of place and role of craft cooperation at the beginning of the new economic policy (1921–1923)

The article deals with the Bolsheviks' views on the place and role of craft cooperation in the Soviet economy during the transition from the military communism to NEP. The author describes the priority directions of the theoretical judgments and practical steps of the RCP(b) members in relation to cooperative artisans and craftsmen, identifies the problems faced by the party members and cooperators. Special attention is paid to the evolution of the Lenin cooperative plan.

Key words: *craft cooperation, new economic policy, the Bolsheviks, V.I. Lenin.*

(Статья поступила в редакцию 18.12.2017)